

Александр Коломийцев

с. Зональное,
Алтайский край

МИЛЕТЯНИН В АФИНАХ

Исторический роман

(Продолжение. Начало в № 10/2016, № 2-6/2017)

– 7 –

Побудку объявили в мутном рассвете, раздали малосъедобную болтушку из лежалой ячменной муки. Из бараков выбирались группы рабов, одетых в тряпье, едва прикрывающее наготу. Старожилы проходили мимо, не обращая внимания на новоприбывших. С обеих сторон унылой вереницы сновали орущие надсмотрщики, хлопали бичами, секли землю, но чаще спины рабов. Анаксимандр не уловил ни одного заинтересованного взгляда, ни одна пара глаз не озарилась искрой мысли. Глаза были тусклы и безразличны, как у загнанных животных. Это были глаза без взгляда, и таких глаз он ещё не видел. Душа Анаксимандра застонала от безысходности. Одни группы рабов исчезали

в чёрных дырах, ведущих во чрево горы, другие принимались за работу на поверхности. Действия их были непонятны, то скливым взглядом Анаксимандр оглядел место, в котором оказался помимо своей воли. Рудничный двор имел в длину поболее стадия и в ширину примерно две трети. В сторону дороги, по которой они вчера пришли, у крутого, почти вертикального склона горы, находились сами шахты, у обрыва – плавильни, кузнечные наковальни, штабели дров, кучи угля. Между шахтами и горнами кипела работа, рабы зачем-то долбили камни молотами, вращали неуклюжие каменные жернова, налегая на рукояти. За спиной, у склона, стояли худые деревянные бараки, напротив них у обрыва, – жилища поменьше и поаккуратней. Ограждался двор с одной стороны, со стороны дороги. Высокий, тесовый забор упирался в склон горы, заросший в этом месте можжевельником. При других обстоятельствах увиденное вызвало бы живейший интерес, как всякое новое, доселе неведомое дело, но сейчас производственный пейзаж нагнал тоску.

Перед разрядкой хозяин произнёс новым рабам небольшую ознакомительную речь:

– Со вчерашнего дня все вы мои рабы. Зовут меня Лисагор. Запомните, вы рабы Лисагора из Афин, сына Никандра. И все вы с сегодняшнего дня работаете на моём руднике и будете работать до конца дней своих. Бежать отсюда бесполезно. – Лисагор протянул руку, в которую тут же услужливо вложили бич. Он поднял руку, чтобы все хорошенько рассмотрели предмет, находившийся в его ладони. Бич походил на длинный стебель шиповника, с которого оборвали листья. – Видите колючки? – продолжал объяснения хозяин. – Это не колючки, это косточки, вплетённые между жилами. Такой бич называется истрихидой. Им наказывают за побег и бунт. Истрихида сдирает не только кожу, от её ударов мясо рвётся и слзлит с костей. Беглецов мы ловим с собаками и всегда настигаем. Кара такова, что беглец умоляет поскорей прикончить его.

Он умирает, но не сразу. Хорошенько запомните мои слова.

Сортировку нового двуного скота производили хозяин и управляющий, приказчики стояли молча. Отобрав нужное количество рабов, управляющий подзывал надсмотрщика, и тот уводил группу вверенных ему человеконогих на работу. Хозяина он видел вчера, и в ожидании своей участи Анаксимандр рассматривал управляющего. Это был жилистый человек, с короткой чёрной бородой, увитой мелкими колечками, одетый в грубый короткий хитон и кожаные сандалии, в правой руке сжимал сложенный вдвое бич, которым то похлопывал себя по голени, то тыкал под ребро замешкавшемуся рабу. Лицо имел скуластое, тонкогубое, в котором проступало нечто не эллинское, восточное. Глаза были посажены глубоко и близко друг к другу, взгляд их был неприятным, безжалостным, и весь вид его, благодаря выражению глаз, говорил о неумолимости и жестокости.

Анаксимандр остался в одиночестве, и хозяин поманил его жестом.

– Вот что, купец. Слушай меня внимательно, – заговорил холодно. – Ты человек, как я вчера понял, грамотный, я задумал сделать из тебя управляющего. В будущем году беру в аренду ещё один рудник. Если заслужишь моё доверие, сделаю управляющим, а год побудешь надсмотрщиком на дробилке. За этот год ты должен изучить все работы...

Анаксимандр поднял руку, торопливо прервал хозяйскую речь.

– Послушай, уважаемый, я... – и смолк на полуслове от тычка согнутым бичом под ребро.

Когда раб отдышался, хозяин продолжал:

– Рабу нельзя перебивать хозяина, за это следует наказание. Разве ты не знаешь об этом? Ты должен изучить все рудничные работы, научиться обращаться с рудничными рабами. Обучит тебя всему вот этот человек, – он положил руку на плечо управляющему. – Его зовут Мегабаз. Он – моя правая рука. В моё отсутствие Мегабаз –

полновластный повелитель, бог и царь, его слово является законом. Запомни это хорошенько. Ну, и что ты мне хотел сказать? Говори, я разрешаю.

– Вчера я сообщил тебе. Я не раб, я – свободнорождённый эллин, – торопливо и горячо произнёс милетянин. – Мой отец, дед, прадед, все мои предки были гражданами Милета. – Анаксимандр отвернул на груди лохмотья, показал шрам у правой ключицы. – Вот отметина персидского копья. Я проливал кровь за свободу Эллады.

Хозяин усмехнулся, казалось, речи нового раба его забавляют. Мегабаз же, насупившись, глядел на говорившего исподлобья, постукивал бичом по голени.

– Ты не гражданин Милета и не именитый купец. Ты – человеконогий, моя собственность. Я заплатил за тебя хорошую цену в три мины. – Купив у пиратов за три мины грамотного раба, горнозаводчик совершил выгодную сделку. На рынке пришлось бы выложить в два-три раза больше. – Запомни, отныне – ты раб.

Лисагор повернулся, намереваясь уйти, но Анаксимандр удержал его.

– Послушай. В Афинах у меня есть друзья. Возьми меня с собой, они заплатят за меня выкуп в десять мин.

– Мне не нужны твои десять мин, – уже сердито ответил Лисагор. – Мне нужен грамотный управляющий. Клянусь собакой, ты либо покоришься своей участи и станешь им, либо закончишь свои дни в забое. Что такое рудокоп, через пару дней поймёшь. Страшись. Если же заслужишь мою благосклонность, сможешь завести новую семью, либо вызвать из Милета свою милую жёнушку.

Жена раба – рабыня, так же как и муж, принадлежит хозяину душой и телом. Презрительный тон самодовольного горнозаводчика, благодаря своему положению попиравшего справедливость, злили Анаксимандра, а наглость последнего предложения вывела из себя.

– Да ты, видно, с осла упал! – вскричал разгневанный милетянин, но тут же смолк, прерванный ударом бича по лицу.

– Проучи его, – велел Лисагор своему приспешнику. – Проучи, а как очухается, ставь на работу, как я сказал.

Следующим ударом Мегабаз сбил непонятливого раба с ног и приступил к изложению законов, властвующих на руднике.

Никто не подошёл к Анаксимандру, не утишил боль, не подал воды. Когда он пришёл в себя и силы вернулись к нему, так что уж смог самостоятельно встать, солнце поднялось над горой и заливало горячим светом рудничный двор. Анаксимандр хотел напиться, но пифос, из которого пили вечером, унесли. Из-за бараков тянуло дымком, и он, пошатываясь, направился туда. Против второго барака находилась примитивная кухня. Старик-раб, возившийся у очага, дал ему напиться и смазал раны маслом, более походившим на колёсную смазку, чем на врачевательное средство.

Анаксимандр сидел на чурбаке для колки дров, безучастно ожидая решения своей участи. И всё же природная любознательность заставляла оглядываться по сторонам, присматриваться к закоулкам двора, ускользнувшим от пытливого взгляда утром. Справа стоял небольшой домик, сложенный из камня и глины, за ним находилось собачье логовище, окружённое плотным забором, высотой более оргий. Прямо перед ним стояли длинные бараки. Между последним бараком и краем площадки тянулась свободная полоса, шириной не менее двух оргий. Край площадки не был огорожен, из чего следовало, что рудничный двор заканчивался крутым скальным обрывом, а по свободной полосе ночью ходят собаки. Подошёл Мегабаз, и знакомство с обстановкой закончилось. Не обратив ни малейшего внимания на избитого раба, управляющий небрежно кивнул глядевшему на него со смесью подобию страсти и опаски тщедушному истопнику. Старик, словно заранее ожидал команды, наполнил вином фиалу, подал управляющему. Мегабаз не отрываясь выпил чашу до дна, утёрся ладонью, вернул посудину старику, ещё раз кивнул. Виночерпий во второй раз наполнил чашу, но на этот раз

подал Анаксимандру. Тот, не ожидавший подобной милости, несколько помедлил прежде, чем принять фиалу. Вино оказалось кислотатым на вкус, разбавленным на две трети и хорошо утоляло жажду. Жестом велел Анаксимандру подняться, Мегабаз вынул из-за пояса бич, протянул новоиспечённому надсмотрщику. Свой он не выпускал из рук, а когда пил вино, сунул под мышку. Как в скором времени убедился Анаксимандр, бичом Мегабаз владел виртуозно. С одного удара по ногам валил человека наземь, по желанию мог нанести удар, от которого на коже оставался лишь покрасневший след, а мог и рассечь кожу до крови, с одного удара мог лишить сознания, а мог и жизни.

Вручив бич, атрибут власти, управляющий направился к рабам, дробившим породу. Анаксимандр отправился следом. Миновав бараки, Мегабаз остановился.

– Вот что, купец. Бредни свои о свободе забудь. Ты раб до конца своих дней. Будешь умным, можно неплохо устроиться и рабом. Бежать отсюда и не думай, свободы не обретёшь, а себя погубишь. За краем площадки отвесный обрыв, по которому можно спуститься только на верёвке. А её ещё надо раздобыть и как-то припрятать. Ночью рудник стерегут вооружённые охранники с собаками.

Перед дробильным участком Мегабаз опять остановился, ткнул в бок бичом шедшего рядом Анаксимандра.

– Вот ты зол на меня, потому что я тебя избил и могу избить, когда вздумается. И ты рад бы мне отплатить, да не можешь. Я ловчей тебя, ты рукой взмахнуть не успеешь, как я свалю тебя. Да и вообще, если руку на меня поднимешь, тебя другие надсмотрщики и охранники на части разорвут. Таков здесь закон. Ты зол на меня, так излей свою злость на них, – Мегабаз указал бичом на рабов. – Бей! Не будешь бить, сам окажешься среди них. Мне ты безразличен, что надсмотрщиком будешь, что рудокопом. Мне всё равно. Хозяин имеет на тебя виды и велел обучать, поэтому я с тобой разговариваю.

Они приблизились к дробильщикам, те работали как заведённые. Один из рабов, только что притаившийся от шахтной норы камни и не заметивший опасности, опорожнил корзину, поставил набок и, опираясь на неё, переводил дух. Мегабаз указал на него Анаксимандру:

– Видишь его? Бей! Раб отдыхает только в могиле, всё остальное время работает. Бей!

Раб, услышав разговор, обернул лицо, зрачки от ужаса мгновенно расширились. По лицу его невозможно было определить возраст. Серое, измождённое, со свалывшейся бородой, оно представлялось маской неведомого доселе театра. Анаксимандр стегнул раз, другой. Ему приходилось наказывать рабов. Как же иначе? Но наказывал, обычно разгневавшись на леность или нерадивость. Этот же человеконогий ни в чём перед ним не провинился, и он не испытывал к нему злобы. Мегабаз оттолкнул сердобольного надзирателя.

– Разве так бьют? Смотри!

Засвистел бич, тело раба скукожилось, вздрагивая от побоев. Нанеся десяток ударов, Мегабаз прекратил избиение.

– Запомни, раб должен работать, причём бегом. Станешь жалеть, окажешься среди них. Больше повторять не буду, – предупредил управляющий.

Наказав ленивого раба и вразумив бестолкового надсмотрщика, Мегабаз объяснил смысл производимой на дробильном участке работы. От шахтных нор рабы перетаскивали поднятую породу на участок. Здесь её сортировали. Пустая порода шла в отвал, рудная дробилась молотами. На зернистой грязно-буровой породе местами проступали серо-чёрные полосы с металлическим отливом, это и была руда. Анаксимандру надлежало строго контролировать работу сортировщиков. Ошибки не допускались и не прощались. Всякая ошибка – злой умысел. Злой умысел жестоко наказывался. Дроблёная руда измельчалась мельницами, каменные жернова которых вращали опять же рабы. Измельчённая руда ссыпалась в кучу и по-

ступала под заботы плавильного участка. Кроме Анаксимандра на участке работали ещё три надсмотрщика.

Потянулись однообразные дни. Первое время Анаксимандр жил как заколдованный. Словно злой чародей одурманил разум, лишил воли. По бесцветному небу влеклось чёрное солнце с колючими лучами. Какие-то существа окружали его, что-то требовали, говорили непонятные речи. Существа эти были абсолютно безразличны Анаксимандру, как стали безразличны еда, питьё, неудобства быта. Переход из свободного состояния в рабское лишил его душевных сил. Причём этот переход совершился неожиданно, внезапно, когда Анаксимандр радовался жизни и находился на гребне удачи. Беда грянула как гром с ясного неба и своей непредвиденностью породила безысходность, подавленность внутренних жизненных сил. Но не только внезапность перемены судьбы угнетала душу милетянина. Душа наполнилась едкой горечью, словно предал близкий и доверительный друг, предательством своим повергнув в отчаяние и мрак. Чего ждать от жизни, людей, если предают близкие друзья, коим доверял, как отцу с матерью? Афины на его любовь и восхищение ответили чёрным недоброжелательством. Передняя, парадная стена афинского общества, изображающая братолюбие, справедливость, прикрывала коварство и злобу. Люди, с которыми ещё недавно ликовал на празднике, устройством жизни коих восхищался и брал в пример, теперь представлялись злонамеренными лицемерами, волками, рядящимися в овечью шкуру. Кем были пираты, продавшие его в рабство, Анаксимандра даже не интересовало, то был сброд без роду и племени. Лаврионовы рудники принадлежали Афинам, и Лисагор является гражданином Афин, это было главное.

Работали с раннего утра до темноты без отдыха в каком-то гнетущем мареве. Анаксимандр сомневался, чувствуют ли, ощущают ли рабы хоть что-нибудь. Порой кто-нибудь из этих несчастных бедолаг, ли-

шившись сил от непосильной, изматывающей работы или безжалостного солнца, падал на землю. На него тут же набрасывались надсмотрщики и приводили в чувство побоями. Несчастный не сопротивлялся, не пытался укрыться, лишь дёргался от боли, вскакивал, хватал корзину, молот или, навалившись на рукоять жернова, продолжал работу. Однажды из шахтной норы извлекли на канатах харкающего кровью рудокопа. От ударов бичей он даже не вздрагивал, лишь глухо стонал. По приказу Мегабаз принесли истрихиду. Истязал умирающего сам управляющий. Лицо его во время наказания сделалось страшным и отвратительным. Выпученные глаза с расширенными зрачками горели, словно у злого демона, губы, растворившись, обнажили хищный оскал, в уголках рта показались мелкие пузырьки слюны. Тело рудокопа превратилось в кровавое месиво и не подавало признаков жизни. Остервеневший управляющий отбросил изуверский бич и пинал безжизненное тело ногами. Утомившись, перевернул рудокопа на спину. Застывшие глаза безжизненно смотрели в небо. Мегабаз сплюнул и, неожиданно успокоившись, буркнул:

– На свалку!

Два шахтных надзирателя схватили мёртвого рудокопа за ноги, уволокли за бараки, сбросили тело с обрыва. Анаксимандр отвернулся, глядел, как куют крицу. Нормальный человек не мог смотреть на подобное зверство. Мегабаз не человек, зловредный демон. Вид крови действует на него, как неразбавленное вино на дикого скифа, не знающего меры. Работы продолжались, словно происходящее было обычным явлением. Да так оно и было. Тупость, непротивление рабов, на глазах у которых так бесчеловечно умертвили их сотоварища, поражала. Но равнодушие человеконого было кажущимся. Измождённый раб, похожий на болезненного старика, доживающего последние дни, тащивший корзину с породой, явственно произнёс:

– Счастливцев, он обрёл свободу!

Разве смерть – это свобода? Глупые люди. Смерть – это небытие. Конструкции

видиков разрушаются. Видики разлетаются в пространство, влекомые космическими силами, и навряд ли когда-нибудь воссоздадут рассыпавшуюся структуру. Нет, такая свобода ему не нужна. До такой свободы – два шага. Дойти до обрыва и броситься вниз, чего проще. Смерть – избавление от мук, но и небытие, пустота.

В гекатомбионе рабы, трудившиеся на поверхности, на дробильном и плавильном участках в полуденную жару, всё чаще лишались сил, падали в обморок. В это время года на клерах землепашцев, полях эвпатридов днём всякие работы прекращались, даже летнюю вспашку вели утром или вечером. На руднике царили свои законы. Горные работы требовали нечеловеческих усилий, никакие побои не могли заставить несчастных добывать руду в обычном темпе. Двуногий скот умирал днём на работе, ночью в бараках, и по утрам бездыханные тела выбрасывали на свалку. Мегабаз стервенел, но бесконечными экзекуциями лишь увеличивал смертность. Приехавший на рудник Лисагор, ознакомившись с делами, позволил в самую жару устраивать перерывы. Человеколюбием здесь и не пахло, непрерывная работа становилась убыточной. Анаксимандр, движимый состраданием, он, хотя в своё время и наказывал рабов, но об изуверстве и речи не было, пользуясь своим особым положением, спросил у горнозаводчика:

– Зачем изводишь рабов? Кормишь впроголодь, бесконечные побои, они же мрут как мухи. Разве это не убыток твоему делу?

Делá горнозаводчика складывались удачно, штабельки серебряных поковок росли, как предполагалось, и, пребывая в благодушном настроении, Лисагор снизошёл до разговора с рабом.

– Ничего ты не понимаешь в рудничном деле, Купец. – За Анаксимандром уже прочно закрепилась кличка Купец, иначе его уже и не называли. – Рынки забиты человеконогом товаром. Мне выгодней за три-четыре года выжать из раба все соки и купить нового, здорового и полного сил, чем кормить

его да холить. Хвала богам, мы ведём победоносные войны.

Но не все работники рудника содержались одинаково. Мастеров у плавильных печей никто и пальцем не трогал, да и выглядели они как люди, а не двуногий скот. Сам управляющий вполне мирно беседовал с ними, без угроз и оскорблений. Оказалось, мастерами работали метеки. Добывание металла из руды являлось достаточно ответственным и сложным делом, чтобы доверить его безмозглым, ленивым рабам. Рабы на плавильном участке выполняли всю чёрную работу – заправляли под присмотром мастеров горны, таскали уголь, руду, дрова, качали мехи, колотили молотами раскалённые крицы. Жили мастера в посёлке, в котором обитали и метеки с других рудников. Посёлок был достаточно большим, охранники, частью метеки, частью вольноотпущенники, жили там же. Мегабаз, являвшийся рабом, но получавший от хозяина плату за свои труды, имел в посёлке семью.

Анаксимандр, придя в себя от потрясения, жестоко переменившего судьбу, мало-помалу входил в колею, если жизнь в новых обстоятельствах можно было называть нормальной жизнью. Мегабаз, как явление реального мира, немало занимал его мысли. Управляющий не вписывался в представление о сущности, стремлениях, желаниях нормального человека. Фактически, по прихоти хозяина, Мегабаз в любой день из успешного управляющего мог превратиться в обречённого на смерть рудокопа. Управляющий, имевший такие возможности для передвижения, ездивший даже в Афины, не предпринимал никаких попыток обрести свободу. Что его удерживало, многодетная семья? Но трудно было представить Мегабазу в роли нежного супруга или заботливого отца. У этого уродливого порождения тёмных сил навряд ли имелись человеческие чувства. Получая плату, мог бы накопить достаточную сумму и выкупиться на волю. Правда, выкуп

на волю – дело довольно волокитное, но ради свободы можно претерпеть всё. В своём поведении на руднике Мегабаз выглядел не человеком, зверем. Но и зверь нападает, лишает жизни других зверей по необходимости, ради пищи или самообороны. От одного вида Мегабазу рабов пробирали дрожь и охватывал ужас. Двуногую скотину били все, начиная от хозяина и заканчивая надсмотрщиками, коим сей труд вменялся в основную обязанность. Били жестоко и беспощадно. И всё же били за провинность, когда, по их мнению, раб ленился, выказывал нерадение к работе, дерзил, обнаруживал, хотя бы словесно, признаки неповиновения. Мегабаз бил всегда, по поводу и без повода, за кривой взгляд, за то, что споткнулся на ровном месте, сделал неловкое движение. С самого утра управляющий искал повод пустить в ход бич. А если не находил, был словно не в себе, словно неведомое страдание жгло изнутри и искало выхода. При первом взмахе бича глаза его, и без того маленькие, превращались в щёлки. Зубы стискивались, лицо напрягалось и каменело. Доставляемые собственной рукой страдания другому человеку, будто утишали собственные. Даже лицо отмякало. Превратив человека в безвольное, копошащееся у его ног существо, Мегабаз утирал пот, глубоко вздыхал и, мотая склонённой головой, уходил прочь. Истязание истрихидой управляющий совершал исключительно собственноручно. Под влиянием ли внешних обстоятельств или от рождения, Мегабаз представлялся человеком с изменившейся до уродства психикой, принимавшим своё рабское состояние как данность и об иной судьбе и не помышлявшим. Был ли он рабом от рождения, являлся ли добычей пиратов, совершавших для этих целей набеги на побережья, или оказался в рабстве в ходе военных действий, никто из обитателей рудника, кроме самого хозяина, не ведал.

(Продолжение следует)